

Вернувшись в здание больницы, Чжун Учунь первым делом бросился к весам.

За минувшую неделю он вытянулся более чем на тридцать сантиметров, а его вес увеличился наполовину. Детская припухлость лица почти исчезла, уступив место резким чертам — теперь из зеркала на него глядел статный юноша.

Учунь принялся разминать пальцы. Указательный слушался его так же безупречно, как и до роковой аварии. Охваченный восторгом, он схватил со стола первый попавшийся термометр и, пританцовывая, закружился по кабинету.

— Потрясающе! Просто невероятно!

В разгар его ликования двери лифта бесшумно разошлись. В коридор вышла молодая женщина; с искаженным от скорби лицом она поддерживала под руку дряхлую старуху.

— Доктор, вы не могли бы мне помочь? — обратилась она к Чжун Учуню.

— Что случилось?

Учунь замер. Он уже знал об удивительных свойствах этого лифта: те, кто выходил из него, чаще всего не принадлежали к миру людей.

— Помогите ей, — глухо произнесла женщина. — Сделайте укол. Я не могу больше видеть, как она мучается.

— Мучается?..

Учунь подошел к старухе. Ее кожа, испещренная морщинами и следами от бесчисленных инъекций, казалась безжизненной. На спине виднелись странные темные пятна — плоть начинала подгнивать, хотя пульс и дыхание оставались в норме.

— Чем она больна? — спросил он, переводя взгляд на спутницу.

— Рак в последней стадии. Надежды на исцеление нет. Даже простой вдох приносит ей невыносимую агонию. Она хочет уйти достойно, но родные... Им плевать на ее желания. Они вливают в нее дорогие лекарства, лишь бы удержать искру жизни в теле, которое давно покинула душа. Она не хочет так существовать. И я... я не в силах больше на это смотреть.

— И что именно вы от меня требуете? — прервал Учунь ее сбивчивую исповедь.

Женщина посмотрела ему прямо в глаза:

— Я хочу, чтобы вы помогли ей закончить этот путь.

— Вы... вы с ума сошли?

Чжун Учуань отпрянул, охваченный ужасом. Долг врача — спасать жизни, а не обрывать их!

— Послушайте, согласно закону, даже при наличии твердого желания пациента, эвтаназия карается как преступление. Это лишение права на жизнь, которое защищено Конституцией.

— Мне не нужна эвтаназия, я прошу о смерти с достоинством, — возразила женщина. — Посмотрите на нее! Болезнь лишила ее последнего человеческого обличия. Будь она в сознании, она бы ни за что не пожелала себе такой участи — лежать овощем на койке, зря расходуя ресурсы...

— Но вы не ее родственница и не имеете права решать за нее, — отрезал Учуань.

Он не знал, кем на самом деле была эта женщина, но был уверен: в ней нет ни капли человеческого.

— Я... — она прослезилась. — Вы правы, я ей никто. Но я чувствую ее боль. Три месяца назад она на миг пришла в себя и взмолилась, чтобы врачи прекратили это лечение, превратившееся в пытку. Но ей не дали выбора. Родня хочет, чтобы она жила. Пусть в коме, пусть на аппаратах, лишь бы счетчик пульса работал. Для них это — сыновний долг, для врачей — профессиональная обязанность. Но никто не спросил ее. Никто не понимает, что такая «жизнь» для нее хуже медленной казни!

— Я сочувствую вам, но я не могу этого сделать.

Учуань попытался проводить незваных гостей к выходу, но женщина внезапно побагровела. Она мертвой хваткой вцепилась в его руку:

— Вы — врач! Давая клятву, вы обещали уважать жизнь! А уважать жизнь — значит уважать право человека распоряжаться ею. Мы не вольны выбирать, как нам родиться, но мы должны иметь право хотя бы умереть достойно!

— Простите... — Учуаню было невыносимо тяжело отказывать, ведь в глубине души он понимал ее правоту. — Эвтаназия вне закона. Смерть с достоинством без согласия прямых родственников — тоже. И к тому же...

— Что «к тому же»?

— Я не работаю в ее больнице и не являюсь ее лечащим врачом. Если я сделаю это, меня не

просто лишат лицензии — я пойду под суд.

— Значит, бумажки для вас важнее клятвы?

— Порядок есть порядок, — выдавил Учунань. — Попробуйте привести сюда ее лечащего врача. Если я смогу убедить его...

— Вы думаете, если бы я могла привести его, я бы стояла здесь?.. — Женщина горько усмехнулась.

Чжун Учунань не смел поднять глаз. Эта гостья не была человеком, но, похоже, она была единственным существом во всем мире, кто искренне сострадал умирающей и пекся о ее достоинстве.

— Простите, — повторил он.

— Ничего. Я знала, что вы откажете.

Женщина с тяжелым вздохом разжала пальцы и посмотрела на него почти с мольбой:

— Помогите мне хотя бы довести ее до палаты.

— Разумеется.

Чувствуя острую вину, Учунань не решился отказать и в этой просьбе. Они вдвоем завели старуху в лифт. Но стоило Чжун Учунаню ступить за порог, как чьи-то руки обхватили его за шею, а перед глазами вспыхнул ослепительно белый свет, поглотивший всё вокруг.

Придя в себя, он обнаружил, что стоит в реанимационной палате.

Здесь царил гнетущая тишина. Старуха, похожая на обтянутый кожей скелет, лежала в хитросплетении трубок. Грудь ее была неподвижна, глаза плотно сомкнуты. Лишь легкая дымка пара на дыхательной маске да мерное попискивание аппарата жизнеобеспечения доказывали, что она еще дышит.

Напротив кровати дремала медсестра, привалившись к стене. В ее кармане беззвучно мигал экран телефона.

Загадочная женщина исчезла. В палате не было никого, кроме Учунаня и умирающей.

Холод пробежал по спине юноши. Он догадывался, что его спутница не человек, но теперь

осознал: она, вероятно, даже не была материальным существом. В стерильную зону реанимации невозможно провести постороннего, не оставив следов.

Кто она? Что связывало ее с этой женщиной?

Учуань растерянно огляделся. Палата дышала смертью. Единственным живым пятном казалась картина на стене — написанный маслом холст, на котором была изображена девочка среди зарослей азалий.

Буйство красок, сочные, живые цветы, залитые солнцем... А среди этого великолепия — тонкая фигурка в белом платье. Она стояла спиной к зрителю, но даже по этому силуэту чувствовалось дыхание юности и красоты. Техника была любительской, но картина была наполнена такой жаждой жизни, что у Учуаня перехватило дыхание.

— Как красиво... — прошептал он.

— Это я в юности.

За его спиной раздался мягкий, мелодичный голос. Учуань замер, боясь обернуться и увидеть призрака. Но обладательница голоса сама подошла и встала рядом.

Дух старухи — теперь она выглядела иначе — с нежностью смотрел на холст.

— Когда это писали, мне было восемнадцать. Дивное время... Я не знала ни горя, ни боли. Могла трудиться в поле с утра до ночи и не чувствовать усталости. А теперь... стоит лишь убрать маску, и я чувствую, как ледяное крыло смерти касается моего лица. Это холодно и очень больно.

— Сударыня...

Учуань хотел было что-то возразить, но она прервала его тихим вздохом:

— Позволь мне уйти. Прошу...

— Но я не могу...

— Посмотри на то, что от меня осталось. Неужели твое сердце настолько черство, что ты откажешь?

Учуань обернулся к кровати. Там, среди приборов, лежала живая мумия. Лицо, шея и руки несчастной покрылись трупными пятнами, мышцы атрофировались, а кожа иссохла, плотно

облепив кости.

— Мои дети не хотят моей смерти. И вовсе не из любви. Просто пока я «жива», они получают мои льготы и привилегии... Ради комфорта они держат в заложниках мою душу, заставляя это иссохшее тело существовать в аду. Доктор, разве в такой жизни есть хоть капля смысла?

Призрачный облик старухи замер в ожидании ответа. Учунань молчал. Он видел перед собой физическое воплощение бесчестья — жизнь, превращенную в механический процесс.

«Будь я на ее месте, разве я не молил бы о том же?..»

— Помоги мне, доктор... умоляю... — шептала она. — Даруй мне покой. С достоинством...

В душе Учунаня бушевал пожар.

— Я...

— Прошу тебя. Всего одно движение — и я буду свободна. Никто не узнает, что ты был здесь. Они спишут всё на несчастный случай. Но я... я наконец обрету мир.

— Помоги мне...

Призрак прослезился, хотя у тени не может быть слез. Учунань в смятении отвернулся.

— Нет... я не вправе...

— Помоги.

Внезапно чья-то невидимая, холодная ладонь накрыла его руку. Тело, словно подчиняясь чужой воле, сделало шаг к кровати. Пальцы коснулись креплений маски.

— Нельзя...

— Сделай это.

Голоса слились в один: дребезжащий шепот старухи и чистый тон молодой женщины. Учунань вскинул голову:

— Так вы — это она?

Женщина на картине словно улыбнулась ему в ответ.

— Помоги мне.

Слова, полные невыразимой нежности, зазвучали в его голове. В каком-то трансе Чжун Учуань потянул за фиксатор и осторожно отстранил дыхательный аппарат.

— Спасибо...

Старуха на койке издала едва слышный вздох. В то же мгновение ее иссохшее, измученное лицо разгладилось.

Освобожденная душа легко взмыла вверх. Больничная роба обернулась изящным белым платьем, а увядшие черты расцвели прежней красотой. Она подплыла к Учуаню и, склонившись, коснулась его лба поцелуем, легким, как весенний ветерок.

А затем она вбежала в картину, взяла за руку ту, другую девочку в белом, и вместе они скрылись в самой глубине азалиевых зарослей.

<http://bllate.org/book/17482/1694790>